

Светлана Голубева

Сказки

РАТАЙ И РАТНИК

Великая страда позади. Идёт ратай за сохой-оралом, ржаную стриженку перепаживает, к зиме готовит. Добрый урожай вырастили они с полюшком.

Пласт за пластом выворачивается земля, будто смоляная девичья прядь в косу вплетается. Красиво. Не спешит богатырь, знает дело - сколь лет из году в год нивку солёным потом поливает. Устал сердечный, а она просит глухо, вкрадчиво, словно квашня в кадушке:

- Пуф-пуф. Ты уж постарайся, ратаюшко, причеши получше. Умытая осенними ливнями, отдохну под снежной пуховиной, обвеюсь вешним теплом и щедро хлебушка тебе урожу.

Понимает пахарь её шёпот, кивает согласно, лоб рукавом отирает да коня понукивает.

На край поля из лесу выбрел ратник. Издалека он шёл, а как на родную землю ступил, забыл устал, идёт, словно по облакам, победной тишиной не надышится. Рад, что живой, а ведь в какой сече выстоял!

Было то на другом поле. Сошлось отеческое войско с вражьем. Бился витязь не как мог, а яростнее, свыше силы. Нельзя по-другому: рядом друзья сражались. Думал, коли ослабнет, погибнут товарищи, до пустыни вытопчут чужаки родной дол. Так что разил воин неприятеля за всех своих. Густо кропил боевое поле потом да кровью. И победил. Не потому, что враг слаб да глуп, а потому, что товарищи ратника тоже каждый за десятерых бились.

Много уж прошёл победитель. А земледельца увидел, почувствовал устал и голод, словно от ратая свежим хлебом пахнуло.

- Бог в помощь, - поздоровался ратник.

- Здрав будь! Садись, герой, пообедай со мной, - позвал работник солдата в ракитову тень, полотеничный свиток развернул, краюшку достал.

Воин сел на траву, вынул свой ломоть, рядом с крестьянским положил. Взял ратай воинский кус, а ратник - крестьянский.

- Солон хлеб твой, - говорит солдат.

- И твой, - отвечает земледелец.

- У ратников другого не бывает.

- У нас, крестьян, также. Семь дней за сохой хожу, землю к зиме освобождаю. И до того сколько.

«Правда, правда», - вздыхает поле, а богатырям кажется, что робкий ветерок подул.

- И я тоже, - откликается витязь. - Неделью назад в такой переделке побывал, что поныне чудно, как и жив. Землю освобождал.

«Истина, истина», - шепчет нива. - Выходит, одного мы с тобой роду-племени.

- А как же, - согласился воин, засобирился в путь. - Домой иду, но ты зови на помощь, ежели нужда будет.

- И ты меня, - вторит на прощание пахарь. Поклонились они друг другу в пояс. Один за соху встал, другой на межу вышел.

- Мягкой тропы тебе, герой, радостной встречи! - крикнул вдогонку ратай.

Ратник обернулся, рукой качнул, отвечает: -Лёгкой тебе земли, труженик, хорошего урожая.

Подняла земля ещё по-летнему тёплую грудь и выдохнула легонько, предвкушая долгий покой.

ВЕРБЛЮД И ЗМЕЯ

Пустыня.

Скупостью окрестностей она схожа с морем и, как море, очаровывает путника неожиданной

мыслью: за внешней бедностью ожидают такие открытия и волнения, вкусив которых нельзя остаться прежним.

Сень вихрастых дубрав, хореография знаков в постановках пойменных ветров излечат мятежную душу, а волны и барханы - нет; ими можно только заболеть. Заболеть навеки.

Песчаные серповидные холмы-барханы с наостро заточенными гребнями курятся тонкими пыльными струями, а по склонам змеятся аккуратные бороздки от эоловых граблей. Покой песков зыбок. Барханы медленно ползут вдоль ветров, волоча за собой два своих острых отрога.

Не верь в то, что вокруг. Замри на месте и узришь, как пустыня катит тяжёлые волны. Тронувшись в путь, не мечтай вернуться в знакомые места: всё переменится за время твоих странствий.

Пустыня - скрытная обманщица. Она кажется мёртвой - это и есть самый, быть может, большой обман. Здесь всюду жизнь, играющая в прятки со смертью.

Из всех, кому пустыня дом, лишь верблюду хватает сил терпеть убийственные чары знойных раздолий. Оттого несёт он свою маленькую голову высоко на гордой шее, чуть прикрыв глаза, в сливовых зрачках которых проглядывает нездешняя тень влажной прохлады.

Презирая снующих понизу барханных насельников, он смотрит только вперёд и поверх. Иначе нельзя, думает, ибо считает себя истинным господином округи, нет-нет да и приговаривает, походя, какого-нибудь мелкого пустынного к небытию, самовластно присвоив право прокалённых солнцем песков.

Верблюд наступил на змею. Она подняла печальные, полные боли глаза и спросила:

- Зачем ты давишь меня?

- По праву превосходства. Но так и быть, отпущу, если ты один раз опровергнешь меня.

Змея тяжело шевельнула свободными членами и согласилась. Какой у неё выбор?

- У меня мощные ноги. Одной я раздавлю десяток змей. А ты - слабое презренное существо, - сказал верблюд, величаво воздев морду на лебяжье изогнутой шее.

- Это так, - простонала змея.

- Я силён: несу тонны поклажи и не жалуясь. Любой из моих бурдюков и свитков расплющит тебя в одно мгновенье. Ты же не поднимешь и тысячной доли их веса.

- Ты прав, - отвечала страдальца. Верблюд продолжал:

- Тебя люди гонят отовсюду, даже из твоего дома, а я им первый друг и помощник. За то берегут они меня пуще собственной жизни.

- И это верно.

- Потому мой век долог, - продолжал верблюд, не вникая обиженной им твари.

Змея напрягла последние силы, вывернувшись из-под мосластой ноги и прошептала:

- Нет, господин, твой век короток.

Она кратко поцеловала его повыше мозоли.

Верблюд упал на колени, затем набок, освободив змею, и умер.

Та, изящно подталкивая фонтанчики песка себе на спину, зарылась поглубже, чтобы в покое прогреть увечное тело.

Сдувая с гребня бархана крупчатый кварц, ветер тоненько затянул погребальный вокализ. Эта мелодия о том, как мало в здешних широтах значат представления о себе и как много ребует жизнь, готовая в любую минуту покинуть тебя.

БОЖЬИ ЗЁРНА

Нашли как-то ангелы-хранители в Господних закромах мешочек. В нём - зёрна, похожие на ячменные. Посередке полотничка выведено: «Таланты».

- Это для людей? - спросили ангелы главного бережителя вечных ценностей.

- Ну да.

- Дай нам, мы отнесём его нашим подопечным. Мой Вася, например, очень славный мальчик, - сказал Васильев ангел.

- А Катенька, - просто цветик райский.
- Сергей, Авдотья, Пелагия... - понеслось со всех сторон.
Поднялся шум. Каждый ангел хотел зёрнышко, а то и горсть.
- Нет, друзья, так дело не пойдёт, - остановил их главный бережитель. - Раз согласия нет, поступим по-другому.
Он завязал ангелам глаза и разрешил черпнуть из мешочка по горсти.
- Теперь бросайте.
Посыпались на землю переливчатые зёрна талантов и без разбору попадали к разным людям, которые распорядились ими по-своему.
Заронилось зёрнышко в душу мечтательного ребёнка, и стал он поэтом. Другой, с чутким сердцем и приметчивым глазом, стал живописцем, третий - сердобольным попечителем слабых и беспомощных.
Хорошо, когда так, но благодатные зёрна попали и к дурным людям. Бывает таково: кичлив человек, зазнаист, а стоит ему, к примеру, запеть, отстанет от его души чёрная шелуха и всё лучшее замерцает в той песне огоньком, разгорится, разволнуется пламенем. Слушают ангелы и всё певцу тогда прощают.
Жальче всего божьим слугам, если кто с ослеплённой душой затаптыгает в землю дарованное свыше зёрнышко.

ЦВЕТЫ СЧАСТЬЯ

Вырастила мать двух сыновей. Дельные молодцы, дружные, сердечные.
Гордилась она детьми, а любила не поровну. Старшего особо, а младшему ничего от того чувства не перепало.
Корила себя женщина, молилась, просила у бога прощенья за чёрствое сердце, а справиться с собой не могла.
Смолоду, пока дети несмышлёнышами были, она решила: что бы ни случилось, но розни меж детьми не допустит. Справедливо братьями доставались дар, спрос и почёт.
Но лишь мать захочет приласкать мальчиков, так разлад в душе водворяется. Для старшего и ладонь мягче, и голос слаще. Малого по голове гладит, а сердце твёрдо, как камень.
Кто знает, догадывались ли братья о том, но с родительницей неизменно почтительны бывали.
Прошли годы, ребята выросли. В селе на них не нарадуются. Матери за то уваженье: гордись, мол. Только чуралась вдова соседской похвальбы, ведь не носила в душе того, за что хвалят.
Случилось однажды - заболел старший сын. Тает день ото дня. Брат с матерью чего только ни делают, а тому хуже. Видно, грядёт неминуемое. Тревожится мать, ночей не спит. Но однажды, намучившись, уснула.
Снится ей сон: стоит она на пороге, а к ней Мать Божия спускается.
- Знаю твоё чаяние, - говорит. - Дошла до меня горячая мольба. Ступай в поле, найди ромашку, не простую, а с капелькой золота в сердёвке. Положишь тот цветок сыну на грудь, тотчас выздоровеет твой любимец.
Женщина Заступнице поклонилась, проснулась и в дорогу засобиравшись, а больного младшему доверила.
По лугам-покосам ходила, в глазок каждому цветочку заглядывала.
И нашла.
Домой точно на парусах летела, Богородицу славилась. Внеслась в избу-то, коснулась цветочком груди сына, тот и задышал легко. Недели не прошло, а парень о недуге не поминал.
Жить бы в спокойствии дальше, да вина с бедой опять ту семью отыскали. Второй сын слепнуть стал. Беспомощный, жалкий сделался, есть перестал и тоже с белым светом прощаться надумал.

Мать недолго собиралась. Старшего спасла, нешто младшего не подымет. Пошла такой же цветок искать. Помнила про золотую серёдку.

Окрестные поля, луга, поймы, суходолья обошла - ничего. «Так-то мне за чёрствую душу», - думала женщина. Рассердилась на себя и решила: «Всё окрест переверну, а спасенье добуду. Помогай, Мать-Богородица. Не себе - сыну прошу, он сызмала любовью обойдён». Почудился ей ответ: «Ищи. Что найдёшь, тем и утетишься».

Ходит, ходит женщина, каждую дернинку оглядывает. Нет нужного цветка.

Солнце печёт, ветер студит, дождь поливает. Дрогнет странница, слабеет, а без счастливой ромашки вернуться не хочет, подгоняет себя: «Сердца для сынка жалела, так хоть здоровье подарю». С этой мыслью лесные поляны обошла, обочины дорог осмотрела, в болоте чуть не увязла. Сгорбилась, высохла, сил лишилась. Поняла мать, что не найдёт заветного цветка, сгинет, детей не увидев, перед младшим не повинившись. Повернула к дому.

С трудом достигла родных мест, село на взгорье увидела. Осталось луг перейти.

Вступила горемыка в знакомое пестроцветье, тут отчаянье ей подсказало: «Сорви простую ромашку. Обман, конечно, но вдруг он сыну дни продлит».

Сорвала, в дом приносит. Видит: лежит под окном на лавке меньшей сын, лицо в потолок поднял. Не видит - слышит, что мать пришла.

Ата подбрела, на пол подле него опустилась. Цветок слепцу в руку вкладывает, говорит:

- Прости меня, сынок.

И заплакала от стыда да бессилья.

Случилось чудо. Прижал паренёк ромашку к глазам и свет увидел, а погода мать с братом, утварь домашнюю.

- Ох, Господи, - причитает женщина, верить боится.

Сын обнял мать, целует ей лоб, глаза, руки.

- Ох, Господи, - произнесла она ещё раз и повалилась бездыханная.

Привиделась ей напоследок открытая дверь избы. Вдали Богородица будто не идёт, а плывёт над лугом. У матери старость тяжёлым мешком со спины синулась. Вышла она, помолодевшая, на крыльцо, а прямо пред ним поле ромашковое выстлалось. Ногам в них хорошо, мягко.

Пресвятая Дева её к себе манит. Улыбнулась женщина, пошла да оглянулась: стоят на пороге сыночки, машут.

- Прощай, матушка, в Божий путь. Возрадовалось сердце, и пошла мать по цветам к Той, что звала её в выси светлые.

ЧЕТЫРЕ БРАТА

1

У матери Природы хлопотная судьба: четверо сыновей подрастают. Красавцы, но все разные. Радоваться б, а у неё меж бровей гармошка печальных морщин залегла.

Не ладили братья, оттого неуют в дому часто гостевал. Матери одной за всем не успеть, а помощи нет.

Сядет она, руки в подол сложит, задумается о ребятах.

Старший, Зимко, рассудительный, дельный, да не ласковый. Меньших он под своим началом держит. Чистоту любит больше, чем родню. Комнаты выметет, перины взобьёт, покрывала-кисеи выбелит - глазу слепко. Всё прибрано-помыто, а зябко, нерадостно.

Осеня чуток лишь помладше, а вовсе другой: тихий, грустный. Жалела Природа задумчивое дитячко, позолотой голове гладила. Связала ему как-то кушачок из серебряной пряжи, жемчугом расшила. Опясался сын, улыбнулся бледным солнышком, а украдкой слезу смахнул.

Летошек отличался весёлым, пылким нравом. Очи с утра распахнёт - и давай щебетать без умолку. Займётся чем - всё в руках горит. Только долго о том просить надо. Так и норовит в лес иль на реку сбежать. Хорош помощник, да не дозовёшься. И задира немалый. Хоть он на

себе силу первого братки знавал, а успокоиться не хотел. Сладу с ним не было. Осень весельчаку Летошку проделки спускал, а от Зимки никакого приказы не терпел. Выюжил над тихоней старшой, а тот его слезами донимал. Приходилось верховоду иной раз и уступить. Никак братья не могли сжиться. В одном только семья дружно сходилась: в любви к самому младшему, к колыбельничку Веснёнку. Забияки пред ним стихали. Даже Зимко мяк от гульканья дитяти. Как ни тягостно Природе, а малыша на колени к себе примет - горести кончаются. Бороздки межбровья сглаживаются. Молодеет мать, расцветает, будто подснежник. Смотрит она тогда на сыновей любящими глазами, всё прощает.

2

Следил за беспутными детьми бог порядка Год, головой качал, но до поры помалкивал. Рассердился однажды, обратил горемычную мать в плачущую иву, занёс далёко за горы, пески, в дикий край под надзор Хлада лютого. Не того, что Зимке по душе, что очи задорит, щёки румянит, а другого: мрачного, гибельного.

Проснулись братья, глядят, не поймут: вместо ясного дня - мутные сумерки, вместо леса и поля - неоглядный щебнистый дол. Утра нет, день прошёл - и ночи нет. Где мама? Ждали, кликали - нету.

Осень сник, Летошек к нему прижался, Весненок лопочет (мал ещё). Зимко думал, думал, говорит:

- Пошли у Года спросим.

- Кто такой? - удивляются братья.

- Матушка сказывала, что Год всё знает, всё может. Попросим у него, пусть вернёт её.

- Где его самого-то искать?

- До сего дня, пока Год по небу катал солнце-яблоко, оно по утрам в окно против двери светило. Пойдём в ту сторону, а на краю земли кликнем.

Собрались. Снежки припасли. Веснёнка закутали, на руки взяли, пошли. По дороге-то ходко двигались, а на щебнине ноги сбили. Всюду уныло, каменный лом качкий, под стопой разъезжается. Ни твердинки нет. Совсем ребятишки измучились. Однажды поссорились да спохватились: время ли, место ли. Помирились, решили вместе держаться, что ни случись.

Худо-бедно добрались туда, где сумрачная пелена твердь земную пересекает. В глубь неё ступить страшно, а вытянешь туда руку - ладони не видать.

Братья дух перевели, кликнули. Ответа нет, но слышно, вздохнул кто-то. Старший откашлялся, беду поведал, просит:

- Не поможешь ли, всемогущий, маму вернуть?

- Зачем? Не опора вы ей, не подмога, - раздался гулкий бас.

Дети смутились, а Год продолжает:

- Не помог бы, да уж очень трудный путь вы одолели. Только чуда не сотворю. Сами вызволять пойдёте. Струсите, рассоритесь - родимой не увидите. Век тогда на земле цвета, света, воды не будет. Сможете?

- Сможем, - загомонили ребятишки.

Тут пред Летошком из мглы кулаки вынулись, а в них - два молоточка.

- Сто раз по врагу ударь, один - по другу, - наказал ему голос.

Летошек принял, поклонился.

- Осень, - объявил бог и выпростал ладонь с кушаком вроде того, что матушка связала, только белым, бисерным. - В опасную минуту снимешь с себя оба пояска, скажешь: ветер, вей, ливень, лей!

Малец взял.

- Теперь тебе, Зимко. Хоть ты старшой, а вперёд не встрянь.

Из тумана Год подал старшему хрустальную чашу.

- Пей, - сказал.

Парень послушаться не посмел, выпил холодный горьковатый напиток.

- Помни: полпути молчи, поседине выручи, - продолжал Бог.

Зимко кивнул. Теперь ему и мыкнуть нельзя.

Веснёнку Год ничего не сказал, лишь по голове погладил да синичку сунул: играй, мол.

- Легкого не ждите, но чтоб победить, я вам всё дал. Если порядок не нарушите, будете сметливы и дружны, то маму вернёте. Ступайте!

Поклонились дети, пошли, куда бог указал.

3

Идут братья долинами нежилыми, нехожеными. А кругом ни лесники нет, ни дернинки. Щебень песком сменяется, песок - валунами. Бедолаги то в песке увязают, то чрез глыбы перелезают. Так до гор добрались. Едва заметная стёжка вильнула в межгорную долку, сжатую отрогами. Идут мальчики, спотыкаются, пыль месят. Веснёнок поморщился и чихнул.

Раздался рокот, будто камнепад прогрохотал:

-Вы зачем сюда нагрянули?

Ребятишки подняли головы: стоит пред ними высоченный каменный человек. Голова из розового крапчатого гранита, ноги - базальтовые столбы.

Летошек бормочет:

- Матушку Природу ищем. Пропусти нас, гранит-человек.

Засмеялся исполин, отвечает:

- Меня зовут Валун-камень. Не было того, чтоб ваш брат тут проныривал невредимо. Победите меня - скатертью дорога, а нет - сделаю с вами что захочу. Ты вот сумеешь?

Сам смеётся, руки потирает, песок стряхивает.

Летошек родных укрыл, вышел к истукану.

Завязалась битва. Поглядеть, так не бой, а пляска: гранитный мужик ногами топает, руками неловко всплёскивает, по скалам кулаками чиркает. А меж ножищ мальчонка прошмыгивает, молоточками тюкает, вслух считает. Бьёт великана вроде несильно, а тому больно. Каждый удар искры из него высекает, куски скалывает.

Мальчуган до ста досчитал. Бегает, отъюливает от кулачищ Валун-Камня, думает: по какому другу ему ударить впоследствии. Глянул на Годовы подарки и понял: ка-ак треснет ими друг о друга!

Раздался гром, твердолобый дурень присел, за голову схватился. В небе тучи сошлись. Молния выметнулась и разбила великана надвое. Тот охнуть не успел. Распался, раскрошился мелкой щебёнкой.

Просветлело. Расступились горы, выстелилась широкая дорога. Братья обнялись, дальше пошли. В степь выбрели.

4

Не знали мальчики, что победный Летошкин гром разбудил в тридесятom царстве огненного летучего Змея. Тот поспешил глянуть, что случилось, ребят увидел, обрадовался: завтрак в пасть идёт.

Спланировал вниз, рыкнул. На малыдов огнём полыхнул. Те руками заслонились, отступили.

Осеня вперёд вышел, спрашивает:

-Что ж ты, Горынюшка, рычишь? Мы тебе беды не сделаем, малы. Пропусти матушку искать. Без неё во всём свете ни травы, ни воды нет.

- А, - проревел чудище, подступая к детям. - Что мне трава? Я вас съем. Что мне вода? У меня внутри без неё огонь только жарче.

Видит Осеня - не сдобровать. Распоясался, подбросил кушачки, крикнул:

- Ветер, вей, ливень, лей!

Расплёлся, раскружился ураганом Годов поясок, а материн жемчужные градины поронял; серебряная пряжа его ливнем хлынула. Заварилось великое ненастье. Шипят в горячей пасти дождевые капли. Змей плюётся, кашляет.

Подхватил ураган тридешатое чудище вместе с мальчиками, понёс над землёй. Горыныч крыльями, точно рваными полами, полощет, хочет выдраться из ветровой спирали - никак. Умотался, до своей вотчины не добрался бы, если б тот же смерч не зашвырнул. А ребят буря поносила и бережно опустила невесть где.

5

Лежат парнишки ничком, глаз не откроют. Сколько-то пролежали, поднялись, себя и Веснёнка ощупали. Осмотрелись.

У ног разостлалось болотище, курится паром, пучится мхами, иссохшими деревьям кое-где проткнуто.

Сумерки пожижели, пар поразвевался, видно: из самой топи Кикимора слеповато глядит-помаргивает, носом водит. Руки её, похожие на старые, истрескавшиеся коренья, непомерно велики, тяжелы. Держит она их притопленными в трясине.

Услышала, учуяла детей, хихикает:

- А, детушки! Маму ищете? Я вам не сгожусь? Глаза мои видят плохо, но руки что хошь добудут: никто не сбежит. Так что вы теперь навсегда тут останетесь.

- Ладно, - вроде соглашаются Летошек с Осеней. - Только укажи, зелень сырая, в какой стороне родительница наша. Будем из топи на тот край глядеть. Всё легче в плену маяться.

Болотная напасть кивнула себе за плечо: смотрите туда. Сама вынула из торфяной гущи, словно из теста, коряжистые хватала, тянет к берегу, щупает пред собой, детей ищет. Длиннее огребья, братьям жутче: вот достигнут, вот в жижу заволокут.

Тут Зимко поднял сук и забросил в болото. Кикимора на плеск кинулась, руками нырнула. А молчальник воздуху в грудь набрал и на трясинудохнул.

От его дыхания бурая гладь мигом ледяной корой схватилась. Накрепко вмёрзли руки Водяницы-злодейки.

- Пошли, - кивнул братьям Зимко.

Те рады. Подхватили Веснёнка, взяли за руки и заскользили туда, куда допрежь Кикимора кивала.

В ледяной пустыне стоит ивушка, от стужи хрустальная, будто дворцовая люстра. Ходит вокруг неё Хлад-Морозище лютый, смертельный, равнодушный. Ни подольститься к такому, ни умолить, ни задобрить его, ни обмануть. Синё да бело кругом.

Мальчики сбитой стайкой подошли, сразу почувствовали: то самое деревце. И оно узнало их, задрожало. Зазвенели леденелые ветви, заклинают: «Уходите. Меня не выручите и сами пропадёте».

Не понимают дети ивушкиного трепета. Да и не уйдут они. Здесь мука, но и без матери не жизнь.

Увидал Хлад детей, молвит трескуче:

- Ишь, добрались. Я уж думал, нет вам сюда ходу. Либо струсите, либо сглупите. АН дошли. При матери, стало быть, вас и погублю. Вы бессердечные, так что быстро замёрзнете.

Тут Веснёнок прыг с Зимкиных рук. Синичку из-за пазухи вынул. Она в широкий рукав Морозовой одёжи порхнула - и звенеть оттуда. Тот поёжился, рукавами потряс - не достал, шубу на иву скинул.

Нехитрая птичья песня проникла в снежное сердце. Сомлел Хлад без шубы. Это человека она греет, а у Ледяного деда меховина особая, от малой теплыньки сберегает, силу удесятеряет.

Ловит Стужевик пичужку, по плечам себя хлопает, а та тинькает себе. Шуба сжухлась, обникла, съехала с ветвей, превратилась в кру-пичатый сугроб. Веснёнок на него горстку крошек из кармашка выгреб. Синичка тут как тут.

Спохватился дед, обернулся за одеждой, а на ветках уж почки намаслились.

- Ох-хо! - только и простонал. Поднял руки кверху, побледнел, заколебался и воспарил облаком, провожаемый звонким птичьим свистом.

Повеял ветер, кой-где земля слюдой заблестела. Поднялись травинки, дрожат от восторга. Ивушка женщиной обернулась, кинулась к детям. Обнялись, целуются. Никак не разнимутся.

- Это тоже! - раздался знакомый глас, - Вот оно как: беда вас подружила, выучила и вырастила.

Оглядели дети друг друга. И то, правда: повзрослели, возмужали. Только Весненок ещё дитя. А Год продолжает:

- Вы теперь первые материны помощники. Ты, Зимко, за декабрь, январь, февраль отвечать будешь. С тебя временное кольцо начнётся, тобой закончится. В марте Весненьку деньки отдашь. Тот потрудится и Летошку уступит. За ним Осенино время. Согласны ли?

- Конечно, - ответили братья. - А что делать-то?

- Природа научит. А я вас кой-чем наделю. Ты, Летошек, огонь да наковальню принимай. Будешь теми-то молотками сохи, косы ковать.

Держи, Осеня, корзинку да кисти с красками. Зимко, тебе - метла и коклюшки для кружев. Весненок, лейка и серебряные колокольцы твои.

Братья смутились, но перечить не стали. Поблагодарили, домой пошли. Везде, где они с матерью ступали, возвращалась на землю благодать. Пустыни дернинками, цветами покрылись, горы - снегами. По лесам поплыл горький зелёный запах; выпрастывались, словно потягивались со сна, молодые листья. Солнце серую пелену изорвало.

7

С тех пор повелось.

Летошек молотками тумкает, серпы, бороны куёт. Часто слышен над землёй гром из его кузницы, молния сверкает. Июльскими ночами снопы искр по небу мечутся. Люди говорят: звездопад, а это Летошек трудится. Пот со лба его по утрам на луга росой падает.

А тихий Осеня по садам, полям гуляет. Корзинка его особая: что ни положишь - всему место есть. Вот он за зерном, мёдом, орехами и ходит. Никак доверху не наполнит. А устанет, сядет красоту рисовать. Тут багрец и охра лесов, синева и пепел водянистых туч. Смотришь на Осенины картины и рад, что живёшь.

Зимко с метлой по дворам кружит, чистоту блюдет. На нивах домотканые коврики стелет, ледяные половицы на реках до блеска начищает, небосвод, точно печку, белит. По вечерам на коклюшках кружева плетёт дивные, неповторимые. В оконные рамы их вставляет. Хлад-Морозище ему служит. Бывает, что и разойдётся во всю силу. Только ни разу не удалось ему временного кольца нарушить. Лютует, а Вес-ненку всё ж уступает.

Тот сугробы-намёты из леечки поливает. Оттого ростки проклёвываются, сады покрываются шёлковыми цветами.

Послушай-ка: сосульки капают, вода-талища с крыши плюхается - звон выходит. Пичуги с ручьями звонцами же перекликаются. Девочка в букет смеётся - снова «динь-динь» слышится: это Весненок под яблоней на серебряных колокольчиках тренькает.